

Аркадий Тимофеевич Аверченко

**Рассказы для
выздоровливающих**

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Рассказы для выздоровливающих

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4970229

Рассказы для выздоравливающих / Аркадий Аверченко.: АСТ, Астрель;

Москва; 2010

ISBN 978-5-17-069564-5, 978-5-271-32149-8

Аннотация

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – русский писатель, журналист, редактор журнала «Сатирикон», один из самых известных сатириков начала XX века.

В книгу вошел авторский сборник «Рассказы для выздоравливающих», наполненный «шумом, весельем, беззаботностью, бодростью и молодой дерзновенной силой».

Содержание

Предисловие	4
Сердечные дела Филимона Бузыкина	7
I	7
II	12
Преступление актрисы Марыськиной	17
Человек, у которого были идеи	26
I	26
II	30
III	32
IV	35
Три визита	36
I. Женщина из Ряжска	37
II. Человек с испорченными часами	44
III. Господин с полузакрытыми глазами	48
Зеркальная душа	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Аверченко Аркадий Тимофеевич Рассказы для выздоровливающих

Предисловие

Очень, очень трудно писать предисловия. Всегда почти содержание предисловия сбивается на извинение «простите, мол, меня, что я выпускаю книжку. Выпускаю я ее потому-то и потому-то, и больше не буду». Я в своем предисловии к этой книжке постараюсь быть оригинальным – извиняться и оправдываться не буду. «Да, выпустил книжку. Что ж из этого? Чуткий человек всегда поймет меня и оправдает».

Почему я выпустил эту книгу?

Обратили ли вы внимание, читатель, что у нас вся современная литература резко разделяется на две категории:

- а) Книги для здоровых и
- б) Книги для больных.

Для первой категории писали раньше, для второй пишут теперь. Но нет ни одной книги, которая обслуживала бы третью категорию: выздоравливающих. А это самая прекрасная,

самая симпатичная категория.

Когда человек после долгой, тяжелой болезни раскроет впервые глаза и почувствует, что из открытого окна вместе с запахом сирени и гамом бодрого города в него чудесной вольной струей врывается новая жизнь и силы, – такому больному хочется всего помногу. Он хочет много есть, много пить, слушать много музыки и много смеяться. Рожденный снова на свет со свежими, обостренными чувствами, он жадно и весело впитывает в себя, как губка, все, что окружает его. Все должно сверкать, шуметь, искриться, всего должно быть помногу – много яичницы, много бифштексов, много укрепляющего красного вина.

И если он захочет читать – книга должна быть такая же, в ней он ищет много шума, веселья, беззаботности, бодрости и молодой дерзновенной силы.

И вот я хочу своей книгой по мере сил послужить чудесному, прекрасному народу – выздоравливающим.

Да не подумает наивный читатель, что только для человека в больничном халате, с исхудалым лицом и сверкающими глазами написана эта книга. Недоставало бы в таком случае к книге приклеить этикетку с сакраментальной надписью: «Перед употреблением взбалтывать!»

Нет! Автор размахивается шире: вся Россия была больна и вся Россия выздоравливает – что бы там ни говорили бескровные нытики и рахитичные слизняки с испуганными лицами, поверженные в прах обыкновенным городовым с бли-

жайшего перекрестка...

Свежая кровь со свежей энергией переливается в освещенных жилах – да здравствуют выздоравливающие!

Вот почему, для чего и для кого я написал эту книгу. Больше я этого никогда не сде... Впрочем, однако, я собирался быть оригинальным...

Как трудно писать предисловия!

Аркадий Аверченко

Сердечные дела Филимона Бузыкина

I

Вышеназванный молодой человек восхищал меня тем, что его внутренние свойства строго гармонировали с его наружностью. Ввиду этого, я полагаю, будет достаточно одного наружного осмотра этого увлекательного малого, чтобы составить себе мнение о его духовной стороне.

Маленькое толстое туловище с трудом поддерживалось тонкими ногами, которые, изнемогая от наваленного на них груза, покривились и образовали нечто вроде овальной рамки для зеркала; носки сапог не отворачивались друг от друга с пренебрежением, как у других людей, а, наоборот, стремились дружески сблизиться, подавая тем благой пример враждующим пяткам... Руки хотя и казались короткими, но зато кисти их были так красны, что это могло утешить самого взыскательного человека. Круглая жирная голова, украшенная парой повисших ушей – двух печальных флагов в дождливую погоду, – плотно и несокрушимо сидела на массивных плечах. Лицо заплыло целым морем жира, и несчастные маленькие глазки захлебывались и тонули в этом море, несмот-

ря на то, что сердобольная рука окулиста бросала им пару спасательных кругов – громадные черные очки.

Таков Филимон Бузыкин – оптовый торговец кишками и бычачьими шкурами. Наше странное знакомство началось с деловых встреч в конторе транспортного общества, через которое он отправлял за границу бочки с кишками, а я в качестве конторщика этого общества писал ему коносаменты и накладные.

Я привык видеть его озабоченным, деловым, вечно клянущим каких-нибудь уступок и послаблений и поэтому был однажды чрезвычайно удивлен его легкомысленным неделовым видом. Он явился ко мне домой в воскресенье в отвратительном сюртуке и сером галстуке, который больше походил на петлю удавленника.

– Что это вы?! – спросил я.

– Да вот к вам. Вы, вероятно, сведущи в этих делах – так я и пришел... Хи-хи.

– В каких делах?

– В этих...

Он встал, подошел ко мне и неуклюже пощекотал пальцем у меня под мышкой.

– Что вам нужно? – с легкой тревогой спросил я.

– Видите ли что, мой друг...

Губы его раздвинулись в широкую улыбку, жир выступил из берегов и совершенно затопил глазные участки; глазки захлебнулись и пошли ко дну, хотя два черных спасательных

круга и плавали на поверхности лица.

– Видите ли что... Я знаю, вы сведущи в этих делах...

– В каких же?!

– В любовных. Нужно вам сказать, что я до сих пор занимался только делом. Дело, и только дело! – таков мой девиз. Но, знаете, сердце, в конце концов, просит другого, и я вздумал немного пошалить с бабёночками.

– Дело хорошее! – серьезно сказал я.

– Не так ли?! Я хотя делишек с женщинами не имел, но повадку их знаю. Ведь стоит только подмигнуть хорошенько бабе – она и побежит за вами.

– Да уж... женщин на это взять.

– Говорят, некоторые женщины добродетельны, но я в это не верю. А?

– Сказки! – горячо сказал я. – Все они хороши до первой интрижки.

– О, неужели все? И даже самые интеллигентные?

– Да при чем тут интеллигентность?

– Это, положим, верно.

Бузыкин повеселел.

– Хе-хе... Выходит, значит, что всякую женщину можно при желании соблазнить.

– Всякую, – твердо сказал я.

– И я так думаю. Вот только насчет способов, как говорится, я слаб. Практики не было. Вот – хи-хи – и зашел к вам...

– Какие там способы, – пожал я плечами. – С ними ведь

очень простое обхождение: понравилась – сейчас хватай за руку, потом за талию, пара горячих поцелуев – и она ваша.

– Вот это по-моему. Ну, а если она обидится?

– На одного обидится, а на другого и не обидится.

Он задумчиво вытянул губы и потом, с трудом прищурясь, спросил:

– А на меня... как вы полагаете? Хе-хе! Не обидится?

– На вас? Конечно, нет. Да чего ей и нужно: молодой, красивый.

– Тридцать два года! – отрывисто сказал Бузыкин. – Все зубы, хороший цвет лица. Когда прохожу по улице – все оборачиваются.

– Да и неудивительно, – согласился я. – На примете есть кто-нибудь?

– Из бабенок?

– Да!

– Есть тут одна – жена адвоката Медляева, может знаете?

– Ого! Вы, однако, молодец! Она, говорят, красавица. Так и надо: уж если заниматься этим делом, так брать самое лучшее!

– А вы как же думаете? Хи-хи. Филимон Бузыкин еще себя покажет. Я, миленький мой, тоже не дурак.

– Вот женщины таких и любят – смелых, решительных... Вы составили себе какой-нибудь план?

– За этим-то я и пришел. Дело в том, что она каждое утро до обеда прогуливается в городском саду. Вот через полчаса

она уже придет. Но как к ней подъехать – вот вопрос. Главное – начать, потом-то я пойду как по маслу.

– И вы еще раздумываете! – всплеснул я руками. – Молодой, интересный, кровь с молоком, знающий женщин как свои пять пальцев! Да просто подходите, берите за руку – и готово.

– И она не удивится, не испугается?

– Ни капельки. Оне к этому привыкли.

– О? Ну и проклятое бабье. Вот-то мужьям, я думаю, обидно?

– А вам-то что? Не думаете же вы жениться?

Он захохотал.

– Ни-ни. На мой век бабья и так хватит.

– Лихой вы парень, – любезно сказал я. – Когда думаете «подъехать» к вашей избраннице? Сегодня?

– Я думаю, не стоит откладывать этого дела в долгий ящик. Вы свободны? Поедем в городской сад.

– С вами – хоть к дьяволу на рога.

II

Мы уселись на скамью у киоска минеральных вод и стали рассеянно глядеть на возившихся в песке детишек.

– А что, если у нее от меня дети будут? – озабоченно спросил Бузыкин.

– Да вам-то что? Не вы же их кормить будете.

– Хи-хи... Я думаю! Вот она! Вот.

По дорожке в задумчивости шагала красивая высокая дама. Мысли ее, очевидно, витали где-то далеко.

– О любовниках думает, – шепнул мне продавец бычачьих кож.

– Да уж у них других мыслей и нет. Ну, не робейте! Действуйте! Куйте железо, пока горячо!

– А вы не находите, – спросил Бузыкин, – что у нее лицо какое-то такое... угрюмое?

– Э, милый мой... Маска! Светский прием. Эх! Я бы и сам не прочь подойти.

– Э, нет! Это нечестно – отбивать у приятелей. Я ее нашел, а не вы. Смотрите! Она пошла в левую аллею.

– Вот вам счастливый случай! Не зевайте!

Бузыкин встал, затянул потуже галстук и бросился в погоню за задумчивой красавицей.....

Не прошло и двух минут, как он вынырнул из липовой аллеи и поспешно вернулся ко мне, переваливаясь на кривых

ногах и наступая сам себе на носки.

– Ну что?

– Слушайте... она... дерется!

– Как дерется?! Что вы!

– Да так. Я взял ее за руки, а она меня как хватит!

– Неужели?!

– Уверю вас.

– Гм... Тут что-нибудь не так... Какой рукой ударила?

– Э, черт... Не все ли равно? По лицу.

– Да вы как сделали?

– Как вы и говорили... Я ж не знаю. Подошел сзади, схватил ее за руку, говорю: «Едем, милочка!» Она даже не спросила куда, не поинтересовалась... дерется!

– А вы знаете что... Я думаю, вы на нее все-таки некоторое впечатление произвели.

– Вы думаете?

– Я в этом уверен. Молодой, интересный... Просто ей было неловко с вами по саду идти на глазах у публики – все-таки замужня, – она и отказалась.

– Так зачем же драться?

– Да у них это все вместе: и колотушки, и поцелуи. Да, может быть, она вас просто потрепала по щеке?

– Нет... ударила. Хотя... гм!.. Может быть... Что ж теперь делать? Вы ведь в этом мастак.

– Она сюда пешком приходит?

– Нет, в автомобиле. Ее автомобиль у входа ждет.

– Так очень просто. Засядьте сейчас потихоньку от шофера в автомобиль, а когда она войдет – бросайтесь смело на приступ. Вы не можете себе представить, как темнота и тайна делают женщину доступной.

– Ну? Хи-хи... А вы, я вижу, тоже дока.

Так он и сделал. Шофер о чем-то дружески беседовал с извозчиками и не заметил шаловливой проделки моего друга, который влез потихоньку в автомобиль и сейчас же послал мне из окошечка дождь поцелуев и кивков головой.

Через пять минут госпожа Медляева вышла из сада, через пять с половиной, открыв дверку, влезла в автомобиль, а через шесть минут влюбленный Филимон в ужасе и смущении вылетел на тротуар.

Дама высунула голову и сказала шоферу, который держал Бузыкина за шиворот:

– Не надо драки – отпустите этого идиота. Как я жалею, что муж в отъезде – он расправился бы с ним как следует. Садитесь, Павел. Домой!

Когда автомобиль умчался, я приблизился к изумленному Филимону Бузыкину и сказал радостно:

– Поздравляю! Ваше дело наполовину выиграно!

– Что вы! Вы видели, как она меня шваркнула?

– «Шваркнула» она вас по заслугам! Она, кроме того, назвала вас идиотом – и тоже по заслугам! Как можно было не догадаться спустить шторы на окнах. Ведь со всех сторон было видно и вас, и ее. Не могла же она себя компромети-

ровать!

– Но зачем же ей драться?! Опять ударила, вытолкнула из автомобиля.

– Милый мой! Ведь она рисковала репутацией! Развратные-то оне все развратные, но репутацию свою берегут. Впрочем, ваше дело идет на лад.

Мой друг молча, вопросительно взглянул на меня.

– Конечно! – горячо сказал я. – Вы заметили – фраза «как я жалею, что мой муж в отъезде» сказана для вас. Вас она хотела предупредить, что путь сейчас свободен. И вы не теряйте времени, потому что для вас же сказана и вторая фраза: «Павел, домой!» Этим вам показано, что ваша очаровательница отправляется прямо домой, где, конечно, вас будут ждать.

– Ну? Вы думаете? Как бы чего не вышло... А?

– Чепуха! Раз первое знакомство сделано – остальное пустяки. Сейчас же и поезжайте! Если и теперь ничего не добьетесь – значит, вы не мужчина...

– Вы думаете? Хи-хи... А ведь это верно... гм... Зачем бы ей иначе о муже было сообщать?..

Притаившись за углом, я терпеливо ждал появления моего предприимчивого друга из подъезда дома Медяева.

Ждать пришлось недолго: дверь распахнулась, вылетел сначала котелок, потом палка, потом Бузыкин. Споткнувшись, он упал... Сидя на земле, надел котелок, почистился,

опираясь на палку, встал и тихо побрел...

Я высунулся из-за угла и уверенно сказал:

– Добились? По лицу вижу, что экспедиция удачна. Молодцом! Я иначе и не предполагал.

– Да... – нерешительно промямлил он. – Она... этого... согласилась... Только сейчас, говорит, занята... Чем-то, уж не знаю... В другое время.

– Ага! Так, так... Целовались?

– Да-а... Гм... Четыре раза.

Когда мы ехали домой, я оживленно говорил:

– С этим бабьем, как вы верно изволили выразиться, так и надо поступать! Стоит только подмигнуть – и готово. Так вот, на людях они все тихони и неприступные, а дома всякая неприступность к черту. А если разобрать, замужняя, незамужняя, интеллигентная, неинтеллигентная – это вздор! Все одним миром мазаны!

Преступление актрисы Марыськиной

Раздавая роли, режиссер прежде всего протянул толстую, увесистую тетрадь премьерше Любарской.

– Ого! – сказала премьерша.

Потом режиссер дал другую такую же тетрадь любовнику Закатову.

– Боже! – с ужасом в глазах вздохнул любовник. – Здесь фунта два! Не успею. Фунта полтора я бы еще выучил, а два фунта – не выучу.

«Дурак ты, дурак!» – подумала выходная актриса Марыськина.

– Это не роль, а Библия! – вскричала Любарская и сделала вид, что сгибается под тяжестью полученной тетрадки.

«Дура ты, дура, – подумала Марыськина. – Оторвала бы для меня листков десять – я бы вам показала!»

Потом получили роли: старуха Ковригина, комик Лучинин-Кавказский, второй актер Талиев и вторая актриса Макдональдова.

Марыськина с аппетитом проглотила слюну и спросила, сдерживая рыдания:

– А мне?

– Есть и тебе, милочка, – улыбнулся режиссер. – Вот тебе

ролька – пальчики проглотишь.

Между двумя его пальцами виднелась какая-то крохотная, измятая бумажка.

– Это такая роль?

– Такая.

– Да где она?

– Вот.

– Я ее и не вижу, – обиженно сказала Марыськина.

– Ничего, – вздохнул режиссер, – она маловата, но зато дает громадный материал для игры. Подумай, ты богатая купчиха, гостья – во втором акте.

– А что я говорю?

– Вот что: «...в числе других гостей входит купчиха Полуянова. Целуется с хозяйкой... («с ней» – указал режиссер на Любарскую)... говорит: «Наконец-то собралась к вам, милые мои...» Солнцева: «Очень рада, садитесь». – «Сяду и даже чашечку чаю выпью». – «Сделайте одолжение!» Полуянова садится, пьет чай».

– И это все? – с отвращением спросила Марыськина. – Хоть бы две странички дали...

– Миленькая! Да ведь тут игры масса! Погляди, быту сколько: «Наконец-то собралась к вам, милые мои...» Ведь это живое лицо! Купчиха во весь рост! А потом: «...сяду и даже чашечку чаю выпью!» Заметь, ей еще и не предлагали чай, а она уже сама заявляет – «выпью»! Вот оно где, темное купеческое царство гениального Островского: сяду, говорит,

и даже чаю выпью. Ведь это тип! Это сама жизнь, перенесенная на подмостки! Я понимаю, если бы хозяйка там предложила ей: «Выпейте чаю, госпожа Полуянова». А то ведь нет! Этакая бесцеремонность: «Сяду и даже чаю выпью». Хе-хе! Ты бесцеремонность-то подчеркни!

Марыськина с болезненной гримасой прочла еще раз роль и сказала:

– А мне тип Полуяновой рисуется иначе: эта женщина хотя и выросла в купеческой среде, но она рвется к свету, рвется в другой мир... У нее есть идеалы, она даже влюблена в одного писателя, но муж ее угнетает и давит своей злостью и ревностью. И она, нежная, тонко чувствующая, рвется куда-то.

– Ладно, – равнодушно кивнул головой режиссер. – Пусть рвется. Это не важно. Тебе виднее...

– Я ее буду толковать немного экзальтированной, истеричкой...

– Толкуй! Дальше... «Роль слуги Дамиана»! Это вам, Аполлонов. «Горничная Катерина» – Рабынина-Вольская! Марыськина отошла в угол в задумчивости...

* * *

...Начался второй акт. Сцена изображала гостиную в доме Солнцевой (Любарская). Собираются гости, приходит комик Матадоров (Лучинин-Кавказский), с которым хозяйка

ведет напряженный разговор, так как она ожидает появления своего любовника Тиходумова (Закатов), изменившего ей с баронессой. Должна произойти сцена, полная глубокого драматизма. Объяснение на первом плане; в глубине сцены – тихий разговор ничего не подозревающих гостей...

Когда поднялся занавес, на сцене была одна Солнцева. Она ходила по сцене, ломала руки и, читая какую-то записку, шептала:

– Неужели? О, негодяй!

В это время в гостиную вошла группа гостей, и Солнцева, согнав с лица страдальческое выражение, приветливо встретила пришедших.

Она поклонилась молчаливым гостям, поцеловалась с купчихой Полуяновой (Марыськиной), и, когда суфлер сказал: «Ах, это вы... вот приятный сюрприз!» – хозяйка тоже обрадовалась и покорно повторила:

– Ах, неужели же это вы! Вот так приятный сюрприз!

Марыськина посмотрела вдаль и печально прошептала:

– Наконец-то собралась к вам, милые мои!

– Очень рада, – приветливо сказал суфлер. – Садитесь.

Хозяйка дома вполне согласилась с ним:

– Очень рада! Чрезвычайно. Отчего же вы не садитесь?

Садитесь!

Марыськина истерически засмеялась и, теребя платок, сказала:

– Сяду и даже чашечку чаю выпью!

Она опустилась на диван, и сердце ее больно сжалось.

«Все... – подумала она. – Все! Вот она и роль!..»

И неожиданно сказала вслух:

– Да... что-то жажда меня томит, с самого утра. Ну, думаю, приеду к Солнцевым – там и напьюсь.

Солнцева недоумевающе взглянула на купчиху.

– Сделайте одолжение, – согласился гостеприимный суфлер.

– Пожалуйста! Сделайте одолжение... Я очень рада, – превеличила Солнцева.

– Да... – сказала Марыськина. – Ничто так не удовлетворяет жажду, как чай. А за границей, говорят, он не в ходу.

– Замолчите! – прошептал суфлер, меняя обращение с купчихой Полуяновой. – «Солнцева отходит к другим гостям».

– Что это вы, милая моя, такая бледная? – спросила вдруг Марыськина. – Неприятности?

– Да... – пролепетала Солнцева.

От приветливости суфлера не осталось и следа.

– Молчите! Почему вы, черт вас дери, говорите слова, которых нет? «Солнцева отходит к другим гостям»! Солнцева! Отходите!

Солнцева, смотревшая на Марыськину с неммым ужасом, напрягла свои творческие способности и сочинила:

– Извините, мне надо поздороваться с другими. Вам сейчас подадут чай.

– Успеете поздороваться, – печально прошептала Марыськина. – Ах, если бы вы знали, душечка... Я так несчастна! Мой муж – это грубое животное без сердца и нервов!

Марыськина приложила платок к глазам и истерически крикнула:

– Лучше смерть, чем жизнь с этим человеком.

– Замолчишь ли ты, черт тебя возьми! – прошептал энергично суфлер. – Оштрафует тебя Николай Алексеич – будешь знать!

– Передо мной рисуется другая жизнь, – сказала Марыськина, ломая руки. – Я рвусь к свету! Я хочу пойти на курсы. О доля, доля женская! Кто тебя выдумал?!

– Успокойтесь! – сказала Солнцева и повернула к публике свое бледное, искаженное ужасом лицо. – Извините... Я пойду к другим гостям.

Марыськина схватилась за голову.

– К другим гостям? А кто они такие, эти гости? Жалкие паразиты и лгуны. Агриппина Николаевна! Здесь перед вами страдает живой человек, и вы хотите променять его на каких-то пошляков... О бож-же, как тяжело... Все знают только – ха-ха! – богатую купчиху Полуянову, а душу ее, ее разбитое сердце никто не хочет знать... Господи! Какое мучение!

– Она с ума сошла! – сказал вслух суфлер и, сложив книгу, в отчаянии провалился вниз.

– Пусть я не святая! – вскричала Марыськина, подходя к

рампе. – Я женщина, и я люблю... Пусть! И знаете кого?

Она схватила Солнцева за руку, нагнула к ней искаженное лицо и прошипела с громадным драматическим подъемом:

– Я люблю вашего любовника, которого вы ждете! Он мой, и я никому его не отдам. Вам написали насчет баронессы – ложь! Я его люблю! Что, мадам, кусаете губы? Ха-ха! Купчиха Полуянова никого не стесняется – да! Я имею любовника, и фамилия его – Тиходумов.

– Вон со сцены! – прорезал из-за кулис режиссер.

«Истерику бы, – подумала Марыськина. – Если уж чем выдвинуться, то истерикой».

Она закрыла лицо руками, опустилась на диван, и плечи ее задрожали... Плач перемешался с хохотом, и из уст вырывались отрывочные слова:

– Пусть! Пусть... Я его вам... не отдам. Ты у меня его не возьмешь... змея!

Никогда зрителям не приходилось видеть более жалких, растерянных лиц, чем у актеров на сцене в этот момент. Все так привыкли говорить только по тетрадкам весом в два фунта, в фунт и четверть фунта, что самые простые слова, вырывающиеся у присутствующих при истерике, никому не приходили в голову.

И в то время, когда купчиха Полуянова билась в истерике, два гостя рассматривали картину, и один говорил другому вызубренные наизусть слова:

– А эта Солнцева богато живет... У нее шикарно!

– Говорят, у нее что-то есть с Тиходумовым.

– Кто говорит? Я об этом ничего не слышал...

Никому не пришло в голову даже предложить воды плачущей купчихе. Нахохотавшись и наплакавшись вдоволь, она встала и, пошатываясь, сделала прощальный жест по направлению к Солнцевой:

– Прощай, низкая интриганка! Теперь я понимаю, почему ты предлагала мне чаю! Я видела через дверь, как твой сообщник сыпал мне в чашку белый порошок. Ха-ха! Купчиха Полуянова только сама, собственной рукой, перережет нить своей жизни! Не вам, червям, бороться с ней! Прощайте и вы, пошлые манекены, и ты прощай, жалкий, хихикающий Матадоров! Туда! Туда иду я, к светлой, лучезарной жизни!

Марыськина вышла... и гром аплодисментов, низринувшись с галерки, разбился внизу, прокатился по партеру и замер в снисходительно похлопавших первых рядах...

* * *

Усталая, опустошенная, прошла Марыськина за кулисы, повернула в уборную и наткнулась на режиссера, который бежал прямо к ней.

– Вот твои вещи – их уже уложили. Тебе следовало двадцать восемь рублей, минус двадцать пять штрафа – три! На.

– Ладно, – сказала устало Марыськина. – Пусть... вещи на извозчика.

– Никифор! Выброси на извозчика ее вещи.

– Прощайте.

– Вон!

Сверх платья купчихи Полуяновой Марыськина натянула дряхлое, истасканное пальто, размазала рукой по лицу грим и с непроницаемым видом вышла, споткнувшись о порог.

Человек, у которого были идеи

Посвящается Н.А. Тэффи

I

Его звали Калакуцкий – он сам сказал мне это. Называю его фамилию для того, чтобы всякий знал, кто такой Калакуцкий, если Калакуцкий появится на горизонте. Если появится на горизонте человек с озабоченным выражением лица, маленький, крепкий, худой, черноволосый, с энергичными жестами и бодрым взглядом на будущее, человек в потертом костюме, но имеющий в одном из его карманов ключ к богатству, – если он появится, то это и будет Калакуцкий.

Он и ко мне пришел – этот Калакуцкий, – человек с усталым, но энергичным и озабоченным выражением лица, носивший, вероятно, еще недавно глубокий траур по одному из своих родственников и снявший на днях этот траур со всего себя, кроме одного места – ногтей, вид которых доказывал, что обладатель их никак не мог утешиться, потеряв родственника.

– Давно собираюсь к вам, – сказал он, – да все был занят. Я – Калакуцкий. Много слышал о вас как о способном человеке и поэтому пришел к вам, ибо такой человек должен

оценить меня.

Он сделал передышку.

– Я могу быть вам очень полезен.

– Да? Чем?

– А видите ли, я с ног до головы набит различными идеями; я, так сказать, ящик Пандоры, с тою лишь разницей, что содержимое ящичка Пандоры было – змеи, а я – вместилище идей.

– Чего же вы хотите?

– Поделиться с вами. Вдвоем мы сможем завоевать весь мир.

– Это идея, – усмехнулся я.

Он энергично потер ладони одну о другую.

– Видите – первая идея уже дана. Но серьезно, когда вы увидите, что я за человек, вы должны меня прямо с руками оторвать.

– От чего?

– Как это так – от чего?

– От чего оторвать? Вы к чему-нибудь прикреплены?

– Увы, теперь нет. Служил в контроле сборов, но ушел, потому что *служить* где-нибудь *мне* – равносильно, как если бы алмазом резать кисель. И вот теперь я свободен – пользуйтесь.

– Гм... Ну, давайте-ка на пробу какую-нибудь идею...

– Идею? Попролам, конечно?.. Слушайте! Прежде всего журнал! Мы должны издавать журнал совершенно нового

типа и новых задач. Такого журнала, ручаюсь вам, еще не было и, держу пари, – не будет. Были журналы для актеров, для художников, даже для каких-то резчиков по металлу и текстильных рабочих... А такого не было.

– Для кого же будет ваш журнал?

Калакуцкий сложил руки на груди и, глядя на меня в упор, отчеканил:

– Журнал специально для потерпевших кораблекрушение!

Я вскочил с места.

– Ага! Вы поражены... Не удивительно ли, что до этого никто до сих пор не додумался. В самом деле, посмотрите-ка – кто больше всего нуждается в своем органе, как не эти заброшенные люди, для которых мой журнал будет другом, советчиком и помощником. Я думаю завести такие отделы: легкое чтение. В долгие томительные вечера, когда ветер шумит и свистит между прибрежных скал, а океан поет свою вечную песню, – это чтение даст бедняге отдых и успокоение... Затем отдел второй – практические советы. Как построить себе хижину, как находить съедобные сорта растений, а также способы охоты за животными. Третий отдел – почтовый ящик. Ответы на читательские вопросы по поводу...

– Один вопрос, – перебил я. – Где предполагается местопребывание ваших будущих подписчиков? Я полагаю, на необитаемом острове?

Он осторожно спросил:

– Почему именно на необитаемом?

– Да потому, что на обитаемых ему ваш журнал не нужен. Он найдет там все – от жилища до журналов – и без вас. Значит, остров необитаемый? Хорошо. Теперь предположим, человек путешествует на корабле; пока он не потерпел кораблекрушения – он и думать не будет о вашем журнале; пока этот журнал абсолютно не для него. Теперь: если он потерпел кораблекрушение – как он подпишется на этот журнал? Поймает птицу, привяжет к ней подписной билет и деньги и пустит ее лететь в вашу редакцию? А вдруг она не долетит? Вдруг ее убьют? Или ограбят любители чужого? Ну, скажем, она долетела по адресу. Как же вы будете рассылать ваш журнал по назначению?

– Я уже думал об этом, – сказал с легким беспокойством Калакуцкий. – Можно соорудить такие маленькие пакетботы, которые развозили бы...

– Да поймите вы, что если такой пакетбот пристанет к острову, то самое простое не вручать подписчику вашего журнала, а просто забрать беднягу на борт и привезти в Европу.

II

Калакуцкий, огорченный, долго молчал.

– Пожалуй, вы и правы. Ну да ведь я вам сказал идею этого журнала к примеру. Математически она все-таки хороша и проста. Вот только практически... Гм!..

Он согнал со своего лица задумчивость, встрепенулся и бодро сказал:

– Хотите, я вам скажу настоящую идею? Я долго ее вынашивал и обдумал, так что, как говорится, комар носу не подточит. Конечно, я надеюсь на вашу порядочность, и если мы, скажем, в условиях не сойдемся, то вы даете мне слово, что не воспользуетесь моей идеей без меня?

– Даю. Конечно, даю.

– Вы задавали себе вопрос: почему наши извозчики бедствуют? Очень просто – их разоряет лошадь. Ее нужно сначала приобрести, потом кормить, иметь для нее конюшню, подковывать и тратиться на ремонт сбруи. О кнуте я уже не говорю. Что же делаю я? Лошадь – к черту! Оглобли – к черту! Просто я придумаю впереди большое колесо, педали для ног извозчика, как на велосипеде, – и мой извозчик начнет, ничтоже сумняшеся, ездить без лошади, овса и сбруи. О кнуте я уже и не говорю.

– Позвольте, – подумав, возразил я. – О кнуте вы уже и не говорите... При наличности двух седоков общий вес будет

пудов шестнадцать – семнадцать. Одному человеку не сдвинуть этого, хоть вы приделайте десять колес.

– Я уже думал об этом. Если даже это и так – оно неважно. Важен принцип. Математически он прост и осуществим. А движение?.. Если извозчиковы ноги не годятся, ведь можно сделать и механический двигатель. Паром, там, или электричеством.

– Да, да, – подхватил я. – Поставить бензиновый двигатель – и конец.

– Ну конечно! – радостно согласился Калакуцкий. – Вот вы меня и поняли.

– А для управления приделать руль!

– Ну да! Верно!!

– А двигатель сделать посильнее, да и устроить экипаж на четырех пассажиров.

– Да! Ей-богу!

– И тогда... (я злорадно помедлил) и тогда вы будете иметь обыкновенный автомобиль, изобретенный несколько лет тому назад и который вы можете видеть на улицах в числе нескольких тысяч экземпляров.

III

Если бы кто-нибудь хотел видеть человека, раздавленного в лепешку, – ему нужно было бы посмотреть на Калакуцкого.

Свеся голову, он тяжело дышал. Лицо его было изборождено страдальческими морщинами, как у человека, который неожиданно увидел свою заветную мечту разрушенной и втопанной в грязь. Он вздыхал и вертел головой. Он чуть не плакал.

– А ведь как было математически просто... – скорбно сказал он.

Я спросил его:

– Больше у вас ничего нет?

– Ах, конечно же есть. Я сверху донизу, как колбаса, набит разными идеями. У вас есть издатель?

– Есть.

– Не купите ли вы в компании с ним у меня одну книжку?

Можно хорошо нажать.

– Какую книжку?

– Мою. Стихи. Я издал месяц тому назад книжку, ухлопал на нее все денежки, а так как у меня нет охоты возиться с ней, то я бы уступил ее за полцены. Около десяти тысяч книжек.

– Что вы! Когда же стихи печатались в таком количестве?!

– Почему же? Тут уж наверное мой способ математически прост и осуществим... Я рассчитывал так: чем больше я на-

печатаю книжек, тем больше можно заработать.

– А если книжка не пойдет?

– Почему же ей не пойти? Слава богу, стихи, кажется, хорошие. Повторяю – мой расчет математически прост: за один месяц я продал двести книг. Значит, в год я продам (или вы продадите) две тысячи четыреста, а в четыре года и два месяца – все, до последней книжечки.

Я встал с кресла:

– Довольно! Еще два слова, и мы закончим наш разговор. Я вам приведу другой расчет – он так же «математически прост и осуществим». Если человек в две минуты съедает одну котлету, то в час он, значит, съест тридцать котлет? А в рабочий восьмичасовой день 240 котлет? Отвечайте, черт возьми!

– Почему вы это говорите? – растерялся Калакуцкий.

– Потому что можно съесть две котлеты, можно купить двести книжек, но не больше! Слышите вы – не больше!

– Однако же раз двести покупателей нашлось, почему же не найдись еще несколькими тысячам?

– Почему? Да потому, что нет такой самой скверной, самой ледащей книжонки, которая бы не продалась в этом фатальном количестве – «двести экземпляров». Это издательское правило. Кто эти двести покупателей, двести чудаков? Неизвестно. Их никто не видал. Брюнеты они, блондины или рыжие, бородатые или бритые – бог весть. Их никто не знает. Я бы дорого дал, чтобы лично взглянуть хоть на одного

из этой таинственной секты «двухсот». Чем они занимаются? Домовладельцы ли, антрепренеры, библиотекари или конокрады? Это не узнано и, вероятно, никогда не узнается. Но они неуклонно продолжают свое нелепое дело, эти двести безумцев, – и своими деяниями сбивают с толку таких простаков, как вы.

IV

Калакуцкий выслушал меня, встал, стер ладонью пот со лба и сказал:

– В таком случае я у вас попрошу маленького одолжения. Мне нужно немножко денег, так рублей пятьдесят... для одного дела. Через две недели я вам отдам хоть сто.

Он был бледен и худ от голода.

Призадумавшись немного, я кивнул головой и предложил этому человеку, набитому с ног до головы идеями, свою идею.

– Знаете что? Я вам не дам пятидесяти рублей с условием получения обратно ста, а я предложу вам десять рублей, но зато без всякого возврата.

Очевидно, он нашел мою идею «математически простой и легко осуществимой», потому что взял золотую монету. И ушел.

Я думаю, что ушел он от меня довольный мною.

Человеку, потерпевшему кораблекрушение, так приятно встретить на необитаемом острове другого человека.

Три визита

Как жутко и сладостно-весело находиться у самого края того кратера, где кипит и бурлит расплавленная лава, называемая человеческою жизнью. Перевесишься через край, заглянешь в бушующую стихию, и голова закружится.

Моя профессия (я писатель и редактор журнала) дает мне возможность частенько проделывать это, потому что в моем кабинете в приемные часы толчется много странных разнообразных диковинных людей.

Недавно на одну из моих пятниц пришлось три визита – как на подбор странных и удивительных.

I. Женщина из Рязска

Это была скромно одетая дама, с величаво-медлительными движениями рук и выражением лица, в достаточной мере скорбным.

Впрочем, вначале она была очень спокойна и даже оживлена.

Когда я усадил ее, она неторопливо вынула из ридикюля какую-то сложенную вчетверо бумагу и, помахивая ею, спросила:

– Вы знаете нашего члена управы Голоротова?

– Гм!.. Пожалуй, что и не знаю. То есть я даже наверное могу сказать, что он мне не знаком.

Дама значительно сжала губы и веско сказала:

– Он мерзавец!

– Да?

– Мерзавец, каких мало. И он думает, что на него в Рязске не найдется управы. Нет-с, миленький... На всякого человека в конце концов есть палка. И эта палка – ваш журнал!

– Палка? Журнал?

– Да. Вы его должны распечь хорошенько, этого мерзавца. Вот, я привезла вам стихотворение – тут все штучки Голоротова выведены на чистую воду, – и если вы это напечатаете, он издохнет от злости.

Я сделал шаблонное лицо и сказал шаблонным тоном:

– Хорошо. Оставьте. Ответ через две недели.

– Две недели? – воскликнула чрезвычайно удивленная дама. – Но я не могу ждать две недели. Я приехала всего дня на два, на три.

– О господи! – нервно засмеялся я. – Ведь не ради же этого стихотворения о Голоротове приехали вы в Петербург.

Посетительница из Ряжска спокойно взглянула на меня и сказала:

– Именно из-за этого стихотворения я и приехала в Петербург.

– Боже ты мой! Неужели вы не могли послать его по почте?

– Что вы! Это слишком опасно посылать такие... вещи по почте. Если бы там оно попало кое-кому в руки... Да, кстати! Я вас умоляю, ни под каким видом не открывать фамилии автора. Просто как там подписано: «Ряжский Мефистофель» – так и печатайте. Если откроется, что это писал мой сын, – мы погибли! Вы не можете себе представить, на что способен Голоротов. Я должна сказать откровенно: он и вам может сделать большие неприятности. Это ужасный человек.

– Знаете что, – задумчиво сказал я, желая сплавить даму и отделаться поскорее от ее стихотворения. – Вы уезжайте-ка обратно в Ряжск, а я вам денька через два напишу... Гм... Сообщу, как говорится, результаты. А?

– В таком случае, – сказала дама, – я лучше подожду здесь... Два-три денька мне многого не будут стоить. Если

уж поднялась с места, двинулась, то хоть доведу свое дело до конца.

– Позвольте стихотворение, – со вздохом попросил я. – Гм... Что это такое?

РЯЖСКИЙ МАЛЮТА СКУРАТОВ

Пусть всяк из вас догадается,
Как этот фрукт прозывается.
Я ж про все его проступки
Расскажу вам без охулки.
Вот утром на службу Малюта идет,
Где взятки он часто берет.
На того же, кто взятку ему не дает,
Он председателю управы Мразичу донесет.
А прежде всего расскажу я вам всем,
Как вдову Х. сжил он со свету совсем.

– Позвольте, – спохватился я, прочтя начало. – Да ведь ваше стихотворение очень большое!

– Да, не маленькое, – с горделивой усмешкой и тайным восхищением перед талантом сына подтвердила приезжая из Рязьска.

– В нем строк 200?

– Да уж... не меньше! Хе-хе. Если не больше.

– Ну, вот видите. А наш журнал таких длинных стихов не печатает.

Дама побледнела.

– Ну что вы такое говорите. Почему ж его не напечатать?

– Именно потому, что оно очень длинное. Не касаясь его литературных достоинств, мы не можем просто его напечатать вследствие размера.

Какая-то внутренняя борьба отразилась на лице посетительницы. Она встала и решительно сказала:

– Ну, хорошо! В таком случае печатайте без гонорара.

– Сударыня! Дело не в гонораре. За все то, что напечатано, мы платим... Но ваша... эта вещь... просто не подходит.

Лицо ее исказилось ужасом, и на глазах выдавилась пара слезинок.

– Господин редактор! Ради бога... умоляю вас – напечатайте. Вы увидите, какой это будет иметь успех. В Ряжке этот номер журнала прямо-таки расхватают...

– Но уверяю вас, что нам это безразлично... Для журнала, обслуживающего Россию, эфемерный успех в Ряжке...

– Вот что... Я подписываюсь на ваш журнал на целый год! Могу даже сейчас внести деньги... А?

– Я не знаю, как мне уверить вас, что это нам безразлично, что это не имеет для нас никакого значения...

– Не имеет значения? Ну, а если я, скажем, покупаю у вас сразу сто номеров журнала с этими стихами...

– Да черт возьми! – злобно сказал я. – При чем тут сто номеров, когда у нас десятки тысяч идут каждую неделю! Можете вы понять или не можете, что просто ваши стихи не

нужны. Хоть вы тысячу номеров купите, хоть все издание! И ответьте вы мне: почему вы так хотите всучить их нам? Кому, в конце концов, интересен ваш Голоротов, который чем-то вас там обидел и которому вы хотите насолить?

Дама утерла слезы, с достоинством взглянула на меня и сказала:

– Я не насолить хочу, а стремлюсь к тому, чтобы негодяй хоть каким-нибудь образом понес заслуженное наказание... Суд с ним, конечно, ничего поделывать не может. Пусть хоть печать. Приехала, стратилась...

– А знаете что? Напечатайте это в ряжской газете... – посоветовал я.

– О, там-то уж наверно не напечатают. Побоятся... Нет, я уж прямо ехала к вам. Была уверена, и вдруг!.. А? Приехала, стратилась...

Она призадумалась, притихла. Потом положила свою руку на мою и попросила:

– Разве вот что: вы их немного сократите, а? Там можно будет выбросить то место, где сказано о его проделке с дровами для городской столовой. И еще насчет его поступка с бонной. Вот это место:

Все тихо спит. Не спит жена.

Лишь тихо крадется она.

И, видя мужа своего

У бонны в комнате, стыдит его...

– Нет, – решительно сказал я. – Тут уж сокращать не стоит. Все стихотворение не подходит.

Она поднялась, убитая горем; на ее лице была написана такая тоска, такая безысходная мука, что мое суровое, ожесточившееся в стычках с начинающими авторами сердце дрогнуло. И я не мог найти в себе мужества сказать то, что следовало: что стихи никуда не годятся, что их нигде не возьмут и что самое лучшее – сейчас же выбросить их на улицу, купить билет и уехать обратно в Ряжск.

– Неужели я даром проехала? – скорбно прошептала посетительница. – Думала как, мечтала. Собралась, приехала, стратилась... На тебе! Скажите – ну, если не в ваш журнал, то куда их можно пристроить?

По скверной петербургской манере я обрадовался возможности сплавить ее с рук на руки и поэтому, не задумываясь, сказал:

– Я думаю, в газете вам будет легче пристроить эти стихи. Это, так сказать, газетная тема. Голос из провинции... Зайдите в «Вестник жизни» или «Ежедневное обозрение». Они нуждаются в материале и гм... того...

Она неторопливо свернула рукопись, с благодарностью пожала мне руку и направилась к дверям...

Вдруг вернулась и снова приблизилась ко мне, причем на губах ее сияла улыбка, а в глазах сверкали искорки:

– Вы можете себе представить, что делается с этим во-ром, с этим негодяем, когда он увидит воздаяние себе по за-

слугам!.. О, тогда мы с сыном можем спокойно заснуть, потому что послужили не только себе, но и ряжскому обществу!..

II. Человек с испорченными часами

Усевшись поудобнее в кресло, он осмотрел меня и, удовлетворенный, сказал:

– Вот вы какой!

– Да, – скромно улыбнулся я.

– Давно пишете?

– Четыре года.

– Ого! А я тоже думаю: дай-ка что-нибудь напишу!

– Написали? – любопытно спросил я.

– Написал. Принес. Хочу у вас напечатать.

– Раньше писали?

– Нет. Другим была голова занята. А нынче с делами управился, жену в имение отослал, ну, знаете ли, скучно. Эх, думаю, попробую-ка что-нибудь написать. Вот написал и притащил – хе-хе! Печатайте новоявленного Байрона.

– Хорошо-с. Одну минутку... кончу корректуру и тогда к вашим услугам.

Это был длинноносый немолодой человек, в черном сюртуке и с бриллиантом на худом узловатом пальце.

Он осмотрел свои ногти и, улыбнувшись, сказал:

– А приятно, когда везет.

– Кому?

– Да вот, например, вам. Пишете, зарабатываете деньги, вас читают.

– Трудно писать, – рассеянно сказал я.

– Ну, как вам сказать. Я, например, сел, и у меня это как-то сразу вышло.

Я отодвинул неоконченную корректуру и сказал:

– Где ваша рукопись?

– Вот она. Условия: пятнадцать копеек строка. А следующие вещицы – по соглашению. За дебют можно и подешевле...

– Ладно. Ответ через две недели.

Я бросил косой взгляд на начало лежавшей передо мной рукописи и сказал:

– Кстати, нельзя писать: «Солнце сияло на закате небосклона».

– Ну, ничего, – добродушно усмехнулся он. – Исправите. Это первые шаги. Ну – я пойду. Не буду отнимать у себя и у вас драгоценное время.

Он вынул часы, взглянул на них и сказал с досадой:

– Вот анафемские! Опять стали.

– Испортились? – спросил я.

– Да. Давал чинить – ничего не выходит.

– Да, уж эти часовые мастера! Позвольте, я посмотрю их.

Может быть, что-нибудь можно с ними сделать.

Он удивленно посмотрел на меня.

– А вы и часы можете починить?

– Отчего же... Пустяки!

Я взял протянутые им часы, открыл заднюю крышку и

стал внимательно разглядывать сложную комбинацию колесиков и пружин.

– Ну-с... попробуем.

Я взял перочинный ножик и ковырнул механизм. Два колесика отскочили и упали на письменный стол.

– Ага! – удовлетворенно сказал я. – Ишь ты подлые.

Нащупав пальцем тонкую, как паутина, спираль, я подцепил ее ногтем и, размотав, вытащил. Заодно выпали и два каких-то молоточка, соединенных дужкой.

– Ну что? – спросил писатель, с недоумением следя за моей работой.

– Да что ж, – пожал я плечами, выковыривая из футляра последние остатки механизма. – Часы как часы. Тут столько всякого напутано, что сам черт не поймет.

Он вскочил, бросил растерянный взгляд на выпотрошенные часы и вскричал:

– Да вы-то сами... понимаете что-нибудь в часах?

– Как вам сказать... Скорей не понимаю, чем понимаю.

– И вы никогда не занимались часовым делом?

– Откровенно-то говоря – нет. Вот сейчас только... немножко.

Он заревел, собирая в опустевшие часы все свои колесики, пружины и молоточки:

– Так какого же дьявола, ни черта не смысля, вы беретесь не за свое дело?!

Заревел и я:

– А вы-то тоже! Какого вы дьявола взялись за литературу, ни черта в ней не смысля?! Что ж, по-вашему, починять часы труднее, чем написать хорошее литературное произведение?

Потом мы оба сразу остыли. Он засмеялся и сказал:

– Ну, черт с вами. Если эта моя вещица не подойдет – принесу другую.

– Ладно, – согласился я. – Если еще будут у вас часики, притащите и их. Может быть, мы оба в конце концов научимся...

III. Господин с полузакрытыми глазами

Я не люблю и осуждаю тех авторов, у которых в несложном арсенале их творчества только и существует для создания гнетущего настроения два средства: «дождь плакал за окном холодными слезами» и «где-то вдали уныло завывала шарманка».

Некоторые писатели так и пробродили весь свой век по жизненному полю с этой шарманкой за плечами, упорно вертя ее ручку под обильными струями «плачущего за окном» дождя.

Если отобрать у такого писателя шарманку – он расплачется не хуже дождя, потому что без шарманки, уныло завывающей вдали, настроение рассказа исчезает, фонтан творчества иссякает и писателю приходит конец.

Эти строки написались сейчас потому, что третий визит ко мне совпал с очень скверной петербургской погодой, когда дождь плакал за окном холодными слезами и где-то вдали уныло завывала шарманка. Однако надо признаться, что если бы даже за окном сияло лучезарное солнце и откуда-то издали доносились мелодичные звуки штраусовского вальса (вторая форма настроения – «бодрое»), то и тогда бы третий визит произвел на меня крайне отталкивающее впечатление.

На внешности вошедшего ко мне человека не мешает

остановиться подробнее: громадный лысый лоб его украшался по бокам двумя густыми кустарниками рыжих волос, которые в своей стремительности выбегали даже на щеки, расстилаясь у углов губ мелкой травкой. Губы были бледные, бескровные, безмолвно шевелившиеся даже в то время, когда посетитель слушал кого-нибудь. Глаза были быстрые, беспокойные, сомневающиеся в чем-то и чего-то боящиеся. *Полузакрытые веками*, они глубоко запали, уйдя в темные впадины, будто в овраг, одна сторона которого густо поросла желтым растрепанным кустарником – бровями.

Да и вообще вся физиономия пришельца чрезвычайно напоминала странный пейзаж. Лоб, например, показался мне чрезвычайно похожим на проезжую дорогу, изборожденную глубочайшими продольными колеями – морщинами. Долго, вероятно, нужно было тяжелой колеснице времени ездить по этой дороге, чтобы оставить такие глубокие, нестирающиеся следы.

Ноги незнакомца были очень тонки и в коленях не сгибались; опирался он на очень толстую палку, и так как она тоже не сгибалась, то можно было подумать, что человек пришел на трех ногах.

Голос у него был противный, мерно скрипучий, с легким, не вынужденным необходимостью покашливанием, интонация раздражающая, тон рассудительный.

– По редакционному делу? – отрывисто спросил я, рассмотрев его.

– Если хотите – да, если хотите – нет.

Он сел, расставив острые углы колен и опершись руками и подбородком на палку.

– Скорее нет, чем да. Скажите, вы не отказываетесь от того, что вами был устроен десятого числа текущего месяца благотворительный вечер?

– Чего ж тут отказываться? Кажется, всему Петербургу было известно... Афиши были...

– Ага! Так, так. Не отказываетесь? Хорошо. В таком случае, мы быстро столкнемся. Итак, значит, пока что мы можем установить бесспорный факт: благотворительный вечер 10-го числа был действительно вами устроен? Да? Признаетесь?

– Ну, конечно, господи...

– Ага! – вскричал посетитель таким торжествующим тоном, будто бы он поймал меня в расставленную им хитроумную ловушку. – Ага! Вот это-то мне и надо. В таком случае – уплатите же мне восемьсот рублей!

– Какие восемьсот?

– Те самые, – сказал посетитель хладнокровно, с сознанием своего права. – Те, которые мною утрачены на вашем вечере.

– Как... утрачены?

– Очень просто. Кто-то вынул их у меня из кармана.

Я удивился.

– При чем же тут мы? Вы должны были бы заявить полиции.

– И не подумаю, – пожал он плечами. – Вы ведь устраивали вечер 10-го?

– Устраивал.

– Деньги у меня похитили на этом вечере?

– Ну, предположим.

– Значит – кто должен вернуть их мне?

– Я думаю, вор не вернет, – улыбнулся я.

– Конечно. Поэтому должны вернуть вы.

– Да почему же? При чем тут я?

– Вы при том, что устраивали вечер. Вы печатаете, что вы ответственный распорядитель. Понимаете – *ответственный распорядитель*.

– Да что ж я – ворами там распоряжался, что ли?

– Там – ворами или не ворами – это не мое дело. А то что мне следует, позвольте получить.

– Да что вам следует? Вам ничего не следует!

Посетитель прищурился, будто взрослый, который терпеливо беседует с бестолковым ребенком:

– Ни-че-го? А восемьсот-то рублей? Мне мои денежки подайте. Я не какой-нибудь там Ротшильд, чтобы швыряться сотнями. Слава богу – денежки не маленькие.

– Ну, так вот что, – нетерпеливо сказал я. – Никаких денег я вам не дам, так как ничего не должен!

– Почему?

Я вспылил.

– Да кто вы такой: человек или дерево? Русским вам язы-

ком говорят – я ни при чем. Какое мне дело, что где-то, у кого-то, у какого-то разини вытащили из кармана деньги.

Посетитель язвительно засмеялся.

– Это называется «где-то». На его же вечере, который он устраивал, у посетителя пропадают деньги, а он говорит «где-то»...

– Ну, хорошо: а если бы, скажем, вы шли по городской улице и у вас вытащили деньги. С кого бы вы требовали? С городского управления?

– То улица, а то – концертный зал, – сказал он с глупейшей рассудительностью. – Громадная разница.

– Знаете что? Подайте-ка в суд: посмотрим, что вам там запоют. Вас засмеяли бы там с вашим нелепым иском.

– Да? Вы так думаете? А по-моему, дело мое настолько верное, что его даже смешно доводить до суда. Я думал, мы покончим миром.

Я потер горячую голову.

– Ну, хотите – спросим сейчас какого-нибудь свежего человека, что он об этом думает?

– О, пожалуйста. Я уверен, всякий скажет одно и то же.

Я открыл дверь в соседнюю комнату и крикнул:

– Георгий Александрович! Пожалуйста-ка сюда. Вот – это наш секретарь. Спросите у него.

Секретарь внимательно выслушал, вздернул плечами и заявил:

– Никогда мне не случалось сталкиваться с более глупым

шантажом. Я на вашем месте не разговаривал бы, а просто посоветовал обратиться в суд. Стоит ли понапрасну время терять...

– Вам же будет хуже, если я обращусь в суд, – сказал посетитель, положив подбородок на руки, покоившиеся на палке. – Придется платить судебные издержки.

– За что-о?! – заревел рассерженный секретарь. – Полно вам дурака валять... У него кто-то вытащил деньги, а мы за это отвечаем. Я еще понимаю, если бы вы сдали их нам на хранение. А разве мы можем ручаться за всех посетителей вечера? Ведь могла явиться добрая половина жуликов всего города – и мы ничего не могли бы поделать.

Посетитель с гадкой, хитрой улыбочкой погрозил нам пальцем.

– Вы, конечно, тут человек служащий и поэтому должны держать руку хозяина. А в глубине души вы ведь чувствуете, что мое дело верное? А?

– А, будьте вы прокляты, – вскричал секретарь, не владея собой. – Эй, кто там есть в конторе? Бухгалтер! Кассир! Кто-нибудь из посторонних есть? Подписчик? Зовите, пригласите его сюда.

Пять человек вошли в мой кабинет, заинтересованные шумом.

– Вот! – сказал секретарь, потрясая кулаками.

– Вот... сей муж говорит, что устроитель благотворительного вечера должен ему вернуть восемьсот рублей, вытасчен-

ные у него каким-то жуликом.

– Вытащенные *на этом вечере*, добавьте, – солидно встал посетитель, раскачиваясь в кресле.

– На этом ли, на том вечере – один дьявол! Вечер был публичный! Никто не может отвечать за контингент посетителей!!!

– Никто? Да-с? Вы так думаете? А ответственный распорядитель должен отвечать?

– Ну, вот что... – сказал я. – Эти люди все наши служащие, и вы можете упрекнуть их в пристрастности. Но вот человек посторонний. Случайный подписчик – спросите его! Что он скажет?!

– Чепуха! – сказал подписчик. – Ничего вы получить не можете. Заявите просто полиции о краже.

– Да ведь не полиция у меня украла, чего же я ей буду заявлять, – возразил посетитель с наружной рассудительностью.

– Подавайте в суд! – резко сказал я. – А пока, извините, прошу не отнимать у меня времени – я занят.

– А восемьсот-то рублей!

– Ни копейки!

Посетитель поднялся с кресла.

– Хорошо-с. В таком случае вы мне заплатите втрое.

– Да? Это на каком же основании? – подхватил подписчик.

– По закону. За находку полагается третья часть, а за пропажу – втрое. Я хотел с вами миром уладить, но если вы

упрямитесь...

Секретарь схватил его за костлявые плечи, заглянул ему в глаза и, трясая, злобно сказал:

– В своем ли вы уме, что та...

Он вдруг закричал пронзительным голосом, оттолкнул упрямого незнакомца и убежал в другую комнату.

Я, встревоженный, последовал за ним, нашел его лежащим в углу на диване и нервно дрожащим, чуть не в истерике.

– Что такое? Почему?

– О господи! Глаза, глаза!.. Как же вы не догадались раньше заглянуть ему в глаза: ох, какие это страшные, душу холодящие глаза! Ведь он сумасшедший!

Я вернулся в кабинет. Посетитель холодно прощался со всеми, затянув свои безумные глаза холодными непроницаемыми пленками век. Со мной холодно раскланялся и сказал:

– А так как я на эти деньги собирался открыть фабрику нарезных гаек, то вам и за это придется заплатить. Считаю в год по три тысячи, за десять лет – тридцать тысяч!

Зеркальная душа (Святочный рассказ)

Сначала кто-то долго пытался нашарить ключом замочную скважину.

Человек, пытавшийся сделать это, применял такой способ: откачнувшись, он падал на дверь, с приставленным к животу ключом, в надежде, что ключ случайно проскользнет в замочную скважину.

Но это было похоже на лотерею-аллегри, где на сто пустых билетов – только один выигрышный: общая площадь двери была громадная, а замочная скважина маленькая.

Но случай – великое дело; на сорок седьмой попытке ключ попал в замочную скважину, при тихом торжествующем смехе хозяина квартиры.

Он повернул ключ в замке, но сейчас же забыл об этом и, когда после его толчка дверь распахнулась, удивился: как это он с утра оставил дверь открытой.

– Может быть, пришел ко мне кто-нибудь? – нерешительно подумал он.

Предположение его оказалось справедливым: когда он зажег электричество – в большом зеркале, вделанном в стену и украшенном драпировкой, отразилась чья-то фигура в шубе и шапке, нерешительно на него поглядывавшая.

Он тоже бросил на неизвестного человека робкий взгляд, шаркнул ногой, притопнул и поклонился.

Неизвестный ответил вежливым поклоном.

– Здрасс...те! – сказал хозяин квартиры. – Какими судьбами? А я, представьте, так и догадался: смотрю – дверь открыта, ну, значит, кто-нибудь... на огонек. Раздевайтесь!

Хозяин снял шубу, бросил ее на диван; потом повернулся к гостю, чтобы помочь ему разоблачиться, но гость был уже без пальто.

– Садитесь! – сказал хозяин. – Очень рад, что вссс... помнили! Хе-хе. Сядьте.

Гость, однако, стоял, ухмыляясь.

– Ну, право, сядьте. Наверное, устали, взбираясь по лестнице. Садитесь! Не хотите?.. Вот чудак! Хе-хе... Вырасти хотите? Да? Ну, я сам покажу пример, хотя это, мила-ай мой, со стороны хозяина и невежливо. Верррно?

Хозяин опустился на стул; тогда и гость последовал его примеру.

– Веселое нынче Рождество, не так ли? – спросил хозяин, помолчав.

Гость ответил легким помахиванием руки.

Хозяин, в сущности, не знал, о чем и как беседовать с неразговорчивым гостем, но правила гостеприимства, которые он твердо помнил, несмотря на отуманенную, отягченную вином голову, заставляли его поддерживать пустой бес-
содержательный разговор.

– Морозы! Да?

Гость ответил неопределенным жестом руки.

– Уж-жа-сные! Представьте, вышел я на улицу, а калоши – трах! Моментально примерзли к тротуару. Хочу поднять одну ногу – не могу! Хочу другую – не могу! Хочу треть... Гм! Да... Очень сильные морозы.

Помолчали.

– Это очень хорошо, что вы пришли. Нужно, знаете ли... духовное общение... Подъем!..

Хозяин сочувственно взглянул на гостя; вглядевшись попристальнее, он заметил в одежде гостя беспорядок: галстук был развязан и воротничок, петля которого оборвалась, торчал одним концом у самого уха.

– Что это, голубчик, с вами? Воротничок-то подгулял, а? Хе-хе.

Оба долго смеялись, плутовски подмигивая друг другу.

Потом тема разговора иссякла.

– Сильные морозы, а? Пре-же-сто-кие. Во!

Гость сжал руку в кулак с таким видом, будто хотел иллюстрировать крепость мороза, но ничего не сказал.

– Да... Очень, очень большие морозы. Вот вы заметьте – летом не бывает морозов – почему? Потому что – смешно! В июне снег! В июле – мороз! Как так? Засмеют!! Ей-богу. Дико!

Снова собеседники замолчали, неприязненно поглядывая друг на друга.

– Пришел и молчит, – подумал хозяин. – И еще – одну калошу снял, а другую не снял. Как не стыдно, право... Сви-
ньи, а не люди! Черт с ним! Закурю лучше...

Он полез в карман, вынул портсигар, взял одну папиросу и протянул портсигар гостю, но тот тоже достал портсигар и уже протягивал его хозяину.

– Благодарю вас! Свои курю, – сухо сказал хозяин. – Поз-
вольте прикурить только.

Он вытянул голову, прикоснулся папиросой к папиросе гостя и затаился.

– Кой черт! Ведь у вас не горит. Чего же вы даете мне закуривать?.. Эх вы! Сейчас!

Хозяин встал, нашел спички, зажег папиросу, дал заку-
рить от своей папиросы гостю, и оба они, окружив себя об-
лаками табачного дыма, погрузились в молчание.

– Да, – сказал хозяин. – Очень большие морозы...

Гость иронически промолчал, очевидно, недовольный од-
нообразием темы разговора и будто выжидая, не скажет ли
хозяин что-нибудь более интересное...

– Свирепые. Я на одном доме нынче видел – градусник к
стене примерз. Чесссн... слово.

Гость дипломатично промолчал.

– Может, коньяку выпьете, – неожиданно предложил хо-
зяин. – Чрезвычайный коньяк есть! Совсем забыл за этими
разговорами. Хе-хе.

Хозяин оживился и заметил, что при упоминании о ко-

ньяке оживился и гость.

– Любит, наверно, дрызнуть, – с легким укором подумал хозяин. – Ишь, как глазки сразу заблестели...

Он вышел в столовую, натыкаясь на стулья и тихонько посмеиваясь. Достал бутылку коньяку, рюмку и, вернувшись, сказал:

– Вот коньячок и две рюмочки. Ни-ни – и не отказывайтесь! Дело праздничное...

Гость облизнулся и потер руки.

– Любишь, каналья, – с ласковой укоризной подумал про себя хозяин.

Он наполнил единственную рюмку, отодвинул горлышко бутылки на вершок влево, налил немного вина на скатерть и подмигнул гостю:

– Ну... ваше здоровье! Выпьете, может, развеселитесь...

В руках гостя уже была рюмка. Оба звонко чокнулись и, опрокинув головы, выпили.

– Ну, как дома у вас... все благополучно? – спросил хозяин, снова садясь на стул.

Гость ни слова не ответил на этот простой вопрос.

– Слушайте! Вы! Я вас спрашиваю, – с легким раздражением возвысил голос хозяин. – Вы все время молчите – нельзя же так! Я могу это счесть за нас...мешку! За презрение к хозяину дома! Или – хе-хе – вы уже так набрались, что и говорить не можете?

Гость усмехнулся, но по-прежнему остался безмолвен,

как дерево.

Хозяин горько засмеялся.

– Конечно! Мы люди маленькие... Разве нас удостоят разговором эти большие господа... Они нас, видите ли, презирают... Нисходят до нас! А в наш дом, – крикнул он, – они приходят! Наш коньяк пьют! Зачем тогда было приходиться – шли бы к себе домой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.